

**КАЛУЖСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА В ПЕРИОД
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ОКТАБРЬ – ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА):
ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ГЕРМАНСКОЙ
ОККУПАЦИОННОЙ ВЛАСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО¹)**

Полугодин Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 50 города Калуги», Калуга, Россия, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Аннотация. В статье автор, анализируя значительный пласт документов из фондов Государственного архива Калужской области, стремится уделить внимание рассмотрению недостаточно изученной в наше время проблеме развития регионального коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны на территории города Калуги. В исторической науке понятие «коллаборационизм» определяется как сотрудничество с врагом определенной части населения в интересах вражеского государства и в ущерб своей Родине. На сегодняшний день актуальной для изучения является его административная форма, выраженная в создании оккупантами различных властных образований, находящихся под управлением лиц из числа местного населения. Временно оккупируя значительные пространства западной России, для удобства управления захваченной прифронтовой территорией и реализации своих преступных целей немецкое командование было вынуждено искать опору в лояльной к оккупантам части населения, предоставляя последним некоторые властные полномочия. Так обрели жизнь новые органы местного самоуправления – особые административные институты, олицетворением которых явились городские, районные управы, институты старост и волостных старшин. Для исторической науки является актуальным исследование характера их взаимоотношений с гитлеровскими оккупантами, изучение роли этих структур в оккупационной политике немцев на примере непосредственного функционирования в городе Калуге.

Ключевые слова: коллаборационизм, административный коллаборационизм, городская управа, оккупация, земская управа, бургомистры, органы местного самоуправления, комендатура.

Для цитирования: Полугодин А.Д. Калужская городская управа в период немецко-фашистской оккупации (октябрь – декабрь 1941 года): тенденции взаимоотношений с германской оккупационной властью (по материалам ГАКО) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 50–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-50-61>

Research article

**KALUGA CITY GOVERNMENT DURING THE OCCUPATION
BY NAZI GERMANY (OCTOBER-DECEMBER 1941):
TRENDS IN RELATIONS WITH THE GERMAN OCCUPATION AUTHORITIES
(based on the materials of the State Archive of Kaluga Region)**

Andrey D. Polugodin, Candidate of Historical Sciences, “Secondary School No. 50”, Kaluga, Russia, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Abstract. In the article, the author, analysing a significant layer of recently introduced sources of the regional archive, seeks to pay attention to the consideration of the insufficiently studied problem of the development of regional collaboration during the occupation of the territory of Kaluga City by the Axis in the WW2. In historical science, the concept of “collaboration” is defined as cooperation with the enemy of a certain part of the population in the interests of the enemy state and with the detriment to their homeland. The most priority to study is its administrative form, expressed in the creation by the occupiers of administrative entities under the control of persons from among the local population. Temporarily occupying large areas of western Russia, for the convenience of managing the captured front-line territory and realising its own goals, the German command was forced to seek support in the part of the population loyal to the occupiers, giving the latter certain authority. This is how the so-called local self-government bodies came to life – special administrative institutions, personified by city and district councils, institutes of headmen and “volost aldermen”. To date, it is topical for historical science to

investigate the nature of the relationship with the German occupiers, to study the role of those structures in the occupation policy of the Germans by the example of their direct functioning in the City of Kaluga.

Keywords: collaborationism, administrative collaborationism, city council, occupation, zemstvo council, burgomasters, local self-government bodies, commandant's office.

For citation: Polugodin A.D. Kaluga city government during the occupation by Nazi Germany (October-December 1941): trends in relations with the German occupation authorities (based on the materials of the State Archive of Kaluga Region). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-50-61>

Проблеме оккупации Калуги в региональной историографии посвящено не так много научно-исследовательских работ. Значительное внимание со стороны специалистов уделено проблеме образования института Калужской управы, осуществлению ею административных функций [Михеенков; Молодова; Писаренко]; куда активнее, чем ранее, рассматривается вопрос специфики калужского коллаборационизма [Занько: 209–214]; изучаются послеоккупационные мероприятия советского руководства по преодолению последствий оккупации и коллаборации, действия по восстановлению жизни в освобожденном городе и районах [Кометчиков и др.: 192–248; Горбачев и др.: 7–65]. Однако некоторые аспекты изучения не теряют своей актуальности и по сей день. Ограниченный и отрывочный характер источников в купе с медленной динамикой процесса рассекречивания важнейших архивных документов Федеральной службой безопасности России порождает для исследователя определенные трудности, ввиду чего многие моменты истории так и остаются не до конца изученными. В частности, недостаточно внимания уделено анализу личностных портретов некоторых служащих управ (например, городского бургомистра Н. Щербачева и других не менее важных представителей управы – С.Д. Кудрявцева, В.Ф. Агафонова), их судеб после освобождения территории города силами Красной армии; мотивации, приведшей этих людей на службу к оккупантам; недостаточно полно рассмотрена деятельность института городской полиции в условиях гитлеровского «хозяйничанья» в Калуге и ряд иных немаловажных для региональной истории проблем.

Одним из таких не в полной мере рассмотренных вопросов может являться и проблема взаимоотношений служащих городской управы с представителями германской оккупационной власти. В данной статье автор, опираясь на сведения, извлеченные из документов фонда функционирования аппарата Калужской городской управы в период немецко-фашистской оккупации Государственного архива Калужской области, региональные научные исследования [Добычина, Молодова Писаренко и др.], местную публицистику [Продунов, Михеенков и др.], источники личного происхождения [Алексеева; Без срока давности; Война глазами детей, Устрялов и др.], пытается затронуть и эту весьма немаловажную и очень актуальную для науки тему.

Стоит сказать, что ранее аспекту функционирования Калужской управы оккупационного 1941 года косвенно уделил внимание историк И.С. Писаренко, посчитав деятельность калужских административных коллаборационистов по организации жизни в городе неэффективной ввиду отсутствия у служащих аппарата городской власти необходимых ресурсов, которые германские власти своим прислужникам до конца так и не предоставили [Писаренко: 104]. Несамостоятельную роль коллаборационистов в оккупационной системе нацистов отметил и специалист Е.А. Занько [Занько: 213]. Бессилие подотдела здравоохранения при Калужской городской управе при решении социальных задач определила в исследовании И.Ю. Молодова [Молодова: 195–197]. Публицист С. Михеенков отнёсся к действиям аппарата управы и лицам, в ней работавшим, весьма и весьма неоднозначно: с одной стороны, автор осуждает коллаборацию, признает несамостоятельный характер органов городской власти, с другой – отмечает и иную сторону проблемы: управа в сложное время играла очень важную роль в жизни обычного человека – обеспечивала хоть какую-то жизнь в разоренном войной городе [Михеенков].

12 октября 1941 года Калуга была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Для управления территорией в городе размещалась временная военная оккупационная организация – германская комендатура под руководством майора вермахта Ф. Портациуса. По воспоминаниям жителей в первые дни оккупации никакой гражданской власти еще создано не было; немцы самодовольно расквартировывались на территории, а люди боялись выходить на улицы, которые повсеместно заполнили германские солдаты и немецкая техника, ввиду чего, находясь под воздействием шокового состояния, многие горожане заняли сугубо выжидательную позицию.

Лишь спустя некоторое время, оценив обстановку в регионе, оккупанты «при содействии» лояльного населения приступили к процедуре организации административных структур органов местного самоуправления. Данное событие один очевидец оккупации вспоминал таким образом: «Через несколько дней после занятия города фашистами было объявлено, что на площади будут проведены выборы в органы местного представительства. Женщин на собрание не пустили, приказав им идти домой – готовить

обед». В дальнейшем оказалось, что уже заранее были подготовлены «крикуны», которые громко выкрикнули фамилии будущих начальников – Н. Щербачева² и С. Кудрявцева³ – как лиц, наиболее принявших новую германскую власть⁴. Германский офицер, стоящий на трибуне, объявил кандидатуру бургомистра и его заместителя, «выбранных» обществом, утвержденной, от себя добавив, что эти люди помогали Великой Германии и ранее» [Калуга: 123].

Стоит отметить, что оба представленных кандидата имели непролетарское происхождение, были хорошо образованы и немолоды, обладали навыками организаторской деятельности и необходимым житейским опытом, однако в советском обществе каких-либо значимых статусных позиций не занимали, вели жизнь среднестатистических людей [Калуга: 131–132]. Ввиду ограниченного количества источников, на данный момент мы не можем в точности определить мотивацию рассматриваемых персонажей, повлиявшую на их выбор, поэтому способны ориентироваться только на отрывочные данные. Так, например, заместитель бургомистра города С. Кудрявцев позднее пытался объяснить свой выбор случайным стечением обстоятельств [Калуга: 125]. Однако в воспоминаниях ряда горожан данная версия не поддерживается, ввиду чего мотивация чиновника в некоторых доступных источниках определялась как осознанная⁵ [Калуга: 123]. Подобные противоречия отмечаются и в отношении выбора будущего начальника земской управы В.Ф. Агафонова [Калуга: 147–148, 154].

Вероятнее всего, у двух представленных нами выше фигур (прим. Н. Щербачева и С. Кудрявцева) имелось определенное недовольство советским режимом, в котором они как классово чуждые элементы не имели возможности реализовать себя полностью, а посему при советской власти не могли чувствовать себя в достаточной степени уютно.

«Выбрав» первичную власть в городе в период октября 1941 года, германская комендатура предоставила новым назначенцам относительный «карт-бланш» в формировании административных инстанций и практически не препятствовала образованию последующих подструктур громоздкой системы местного самоуправления. Назначенным ставленникам было разрешено самим приступить к их формированию, благо для оккупантов и их помощников подходящие кандидаты для занятия должностей в Калуге присутствовали.

В данном контексте необходимо отметить организационные навыки сотрудников штаба новоявленного калужского бургомистра Н. Щербачева: предпринятые ими эффективные меры позволили в кратчайший срок сформировать городскую управу и ее отделы. Публицист С. Михеенков объясняет такую успеш-

ную скоротечность образования желанием части населения быть прикрепленным к столовой, которая давала потенциальному служащему в то непростое время возможность подкормиться, а также наличия для пособников ряда иных льгот [Михеенков: 145]. К тому же, как показала практика, многие будущие начальники подбирались на должности и по линии личных знакомств, ввиду чего в первое время городская управа не испытывала дефицита кадров, что напрямую устраивало и самих оккупантов [Калуга: 147]. По воспоминаниям бывшего начальника Калужской земской управы В.Ф. Агафонова, примерно через 4–5 дней после занятия гитлеровцами города управа уже была готова к работе [Калуга: 147; Михеенков: 145].

При детальном анализе проблемы кадровой ротации в процессе организации управы вызывает трудности вопрос рассмотрения практики привлечения на работу в органы местной власти бывших представителей советской системы. Несмотря на то, что немецкое командование напрямую приказывало управе снимать коммунистов и комсомольцев с главенствующих должностей и переводить их на второстепенные рядовые позиции⁶, ввиду объективной нехватки профессиональных кадров и последующего скоротечного характера организации дела мы позволим себе утверждать, что данное указание в первые дни оккупации управой исполнялось не всегда. Осознавая ценность необходимых профессиональных качеств бывших советских управленцев, управа пошла на некоторое отклонение от предписаний и принимала на работу бывших работников советских учреждений [Калуга: 150]. Немцы, находившиеся в эйфории из-за успешного продвижения собственных армий к Москве, не обращали на этот факт должного внимания, ввиду чего в управе работали как бывшие, скрывшие и не скрывшие свое прошлое, коммунисты, так и служащие различных советских ведомств⁷. Об этом явлении очевидец оккупации В. Морозов вспоминал таким образом: «Рано утром 13 октября к нам в окошко постучали, мама выглянула – сосед “коммунист”, а рядом с ним немец. Приказано всем выйти для встречи немецкого командования. Вышли. Около дома встали. Один наш сосед даже шляпу надел, я его никогда при советской власти и в шляпке не видел. Говорит, немцы культурный народ, надо и нам культуру показать. В грузовую машину взобрался немецкий офицер и начал говорить, а переводчик переводил, что теперь здесь будет новый порядок, все должны подчиняться приказам немецкого командования» [Алексеева]. Наличие коммунистов в структуре управы отметил в своих записках и В. Агафонов [Калуга: 150]. Однако, как покажут дальнейшие события, впоследствии их число на постах управы будет значительно сокращаться.

Имелись в аппарате и лица, пострадавшие от действий советской власти. К таким можно отнести будущего начальника вспомогательной полиции оккупированной Калуги С. Купфера; будущего начальника секретно-политического отдела городской вспомогательной полиции С. Леульта⁸ и будущего главу земской управы В.Ф. Агафонова. Причем последний происходил из крестьян, получил среднее образование и долгое время после революции занимал различные конторские должности. Однако в 1930 году оказался судим, отбывал срок на Беломорстрое. До периода оккупации жил на выселении в г. Малоярославце, Егорьевске, в Можайском районе и Калуге, где курировал строительство школ, руководил плановым отделом при коммунальном учреждении города Калуги, занимался иной мелкоуправленческой деятельностью.

Затрагивая вопрос мотивации, интересно обратиться и к документам советских органов безопасности. В материалах донесений УНКВД⁹ по итогам оперативной работы «по очищению» Калуги после ее освобождения давалась такая характеристика городу: «...Калуга являлась “мещанским” городом, со значительной долей ссыльного и оппозиционного к советской власти населения... В городе имеется много переехавших сюда людей из Ленинграда...» [Калуга: 34]. Вопреки расхожему мнению о засилье в аппарате управы исключительно отпетых уголовников и ярых антисоветчиков, предполагается, что процент представителей, обладающих организаторскими способностями из числа дореволюционной элиты в Калуге был весьма высок, ввиду чего следует, что состав управы мог являться смешанным, где главные посты занимали по большей мере именно лица с хорошими организаторскими способностями, зачастую имевшие определенные претензии к советской власти или же пострадавшие от нее, но допустим и тот момент, что небольшой процент бывших советских служащих, спецов, изъявивших желание работать на оккупантов, также присутствовал.

После совершения советским подпольем неоднократных актов саботажа и диверсий в городе контроль над служащим персоналом стал неуклонно усиливаться. В ноябре 1941-го гитлеровцы за подписью коменданта издали приказ о поощрении в размере 5 000 руб. лицам, содействующим оккупационной власти в выдаче каждого коммуниста и комсомольца. В это время процесс раскола общества стал выражаться более ярко. Из воспоминаний Е. Бухановой следовало: «Последствия были ужасными – городское полицейское управление захлестнул шквал доносов». Другой очевидец оккупации Галина Сергеевна Продунова вспоминала: «Пока с братом и мамой ходили в деревню менять вещи на продукты, жильцы соседнего дома взломали замок и отнесли в полицию фотографии моего отца, где тот был сфотографиро-

ван в советской форме. Эта семья очень хотела занять (с ещё довоенных пор) две смежные комнатёнки, в которых жила наша семья: мама и трое детей (старшему – 12 лет, младшему – 5). Спас семью полицейский. Он знал нашу семью, поэтому вечером принёс все фотографии, отдал маме и сказал: «На и спрячь. Это твои “друзья соседи” нам принесли». Мама с перепугу сунула все снимки в печку» [Продунов: 16].

В сложившейся обстановке городскому бургомистру по указанию комендатуры пришлось затребовать срочные отчеты с предприятий о немедленной проверке и последующем снятии с должностей представителей коммунистической партии и членов ВЛКСМ, на что многие конторы обязаны были подать служебную записку о немедленном исполнении указаний. Лишиться работы в немедленном порядке должно было и лицо, при обнаружении скрывшее факт своего отношения к ВКП(б) или ВЛКСМ¹⁰. Постепенно управленческий аппарат управы ставился комендатурой на особый учет. Каждый ее сотрудник был обязан заполнять особую анкету, выданную германскими властями, по которой гитлеровцы определяли степень благонадежности служащего.

21 октября 1941 года вышел приказ № 1 бургомистра Н. Щербачева, по которому определялся порядок существования управы, с разъяснением населению ее предназначения. Данный приказ гласил, что управа приступает к работе непосредственно с 22 октября 1941 года и функционирует в тесном контакте с германской комендатурой. 28 октября 1941 года в приказе германской комендатуры публично подчеркивался «властный» статус созданного института местного самоуправления. В нем указывалось, что городская управа и все ее сотрудники находятся на службе местной германской комендатуры, которая окажет ей всякое содействие в организации дела, а какое-либо препятствие со стороны граждан осуществлению полномочий управы строго запрещается и карается по законам военного времени¹¹. Еще ранее, 17 октября 1941 года, по этому поводу куда более корректно высказался сам бургомистр города Н. Щербачев в обращении горожанам: «...Волей населения на меня возложена задача восстановить жизнь города, а поэтому прошу горожан оказать мне активное содействие»¹². В скором порядке (не позднее ноября 1941-го), как бы подчеркивая относительно автономный административный статус новых органов местной власти и одновременно несколько обособляя их от себя, гитлеровцы разрешили управе создать силовой полицейский отдел и принять в использование собственные регистрационные символы – печати и штампы¹³.

Важно отметить, что большинство предписаний управы проходило необходимую проверку в учреждении комендатуры, а список служащих аппарата гражд-

данской власти при рекомендации на утверждение все так же рассматривался именно немцами. Иным остается вопрос, насколько хорошо оккупанты знали утверждаемых управой людей.

Сама система местного самоуправления города включала в себя 9 отделов: полиции, торговли и снабжения, народного образования, отделы канцелярии, финансовый, лесной, промышленный, транспортный, отдел благоустройства, а также дополнительные подотделы: строительный, пожарный, водопроводный, озеленения, жилищный, типографии, здравоохранения, электроосвещения¹⁴. Основной штат служащих источниками определяется в 107 человек. По инструкции, изданной управой, каждый начальник отдела считался самостоятельным руководителем своей отрасли, мог проявлять инициативу и распорядительность; нес ответственность за вверенный ему отдел и его работу, обязан был каждый день отчитываться на совещании перед бургомистром¹⁵.

Учитывая собственные военные интересы, разграничивая власть между военной и гражданской администрацией, немцы поначалу давали разрешение на некоторое автономное функционирование управы в решении ряда вопросов, предоставляли ей право осуществления самоконтроля за собственной организацией. Так, по указанию бургомистра Н. Щербачева уже в конце октября к работе приступил так называемый административно-инспекторский отдел при горуправе – внутренний надзорный орган городского управления, выполняющий инспекторские функции в отношении всех ведомств и отделов управы¹⁶. Административно-инспекторский отдел, работая в тесном контакте с бургомистром, имел полномочия издавать распоряжения, приказы, обращения; занимался планированием, мог накладывать санкции к чиновникам управы вплоть до смещения их с должности. Штат административно-инспекторского отдела включал в себя начальника отдела, двух его заместителей, инспекторов, секретаря, курьера¹⁷.

Похожая «автономность» касалась и вопросов финансового обеспечения органов местного самоуправления. В конце ноября 1941 года управа вводит по Калуге подходящий налог для лиц обоих полов на содержание аппарата городской власти – 15 рублей с человека. Каждое домохозяйство обходил сборщик, выдававший квитанции об уплате налога¹⁸. Такой же приказ в дальнейшем выйдет в декабре 1941 года по инициативе земского управления, по которому для функционирования уже пригородной управы вводился налог в 50 рублей с человека обоего пола¹⁹. Освобождение получали лишь инвалиды и сельские учителя. Деньги необходимо было сдавать старосте по месту проживания, а уже тот передавал их в кассу земского участка. Финансовую подпитку земств и горуправы также осуществляли

и различные денежные поступления от предприятий города (или округа). Для поддержания функционирования управы они должны были уплатить ежемесячно 5-процентный налог с реализованной продукции и дополнительно вносить амортизационные отчисления по остатку²⁰.

Однако, как показывает практика, разоренные войной, постоянным вмешательством оккупантов компании не могли надеяться на значительную прибыль, и денег все равно не хватало. В то время население неохотно вступало в рыночные отношения, утаивало сельскохозяйственную продукцию, боясь непредсказуемого будущего, занимало пассивную, настороженно-выжидательную позицию. В таком случае управе приходилось искать иные источники пополнения бюджета. Калужский государственный архив сохранил важный документ времен оккупации: фрагмент договора между бургомистром Н. Щербачевым и германским комендантом Ф. Портациусом, по которому комендатура для покрытия финансовых убытков управы «благодушно» позволила заняться ей продажей германским солдатам, но исключительно по бросовым ценам, части «ненужного» имущества, еще не конфискованного²¹ германской армией, но все еще находящегося «в собственности» краеведческого музея города²². Практически за бесценок отдавались ценнейшие экспонаты музея (прежде всего, западноевропейская живопись и графика) общей стоимостью в несколько тысяч рублей. Так, этюд выдающегося художника Э. Делакруа, оцененный в музее в 500 рублей²³, на этой распродаже был продан за жалкие 50 немецких марок. Среди утраченных произведений искусства были и картины, переданные музеем из Эрмитажа [Калуга: 60–61].

Для поощрения работы рядовых сотрудников полиции немцы не препятствовали заниматься её представителям грабежом имущества еврейского населения, ввиду чего случаи грабежей и изъятий были неоднократно зафиксированы в памяти пережившими оккупацию людьми [Добычина: 18, 28].

Одновременно с формированием городского аппарата власти в конце октября 1941 года ответственный работник управы В. Агафонов получил от бургомистра Н. Щербачева задачу – в кратчайший срок составить проект организации власти в пригородном районе г. Калуги, так называемый план устройства земской районной управы, в юрисдикции которой находилось управление административной, финансовой, хозяйственной деятельностью калужского сельского (пригородного) района²⁴. Вышедший 15 ноября 1941 года приказ определял земскую управу как инстанцию, в своих полномочиях самостоятельную, но подчиненную городскому голове. В земскую управу входил штат руководителей во главе с начальником В. Агафоновым, его помощник, старший агро-

ном, секретарь. При земствах создавались отделы: сельскохозяйственный, лесной, земледелия, финансовый, статистики, дорожный, а также дополнительные: инспекторский по образованию и полиции. Общее количество служащих составляло 67 человек²⁵.

По новой административно-территориальной юрисдикции Калужский (пригородный) район делился на 11 земских участков, которыми управлял назначенный при участии земского бургомистра старшина, подчинявший себе непосредственных помощников: агронома и секретаря. Старшины обязаны были сформировать местную власть в участке – заняться подбором старост. Согласно выпущенной земской управой инструкции, население обязано было подчиняться старосте, а тому для поддержания административного авторитета обещалось содействие со стороны германской армии²⁶.

Для придания юридической силы нормативно-правовым актам, издаваемым земской управой, ей также позволили иметь собственную печать и штамп. Проект земской управы сначала был рассмотрен на заседании городского ведомства – управы, но окончательное утверждение он получил в германской комендатуре.

Несмотря на то, что на первых порах отмечается некоторое «терпимое» отношение немцев к инициативе служащих управ в организации административных структур, а коллаборационистская пропаганда и вовсе прямо восхваляла «чуткость» новой немецкой власти по отношению к гражданским институтам²⁷, реальность оказалась гораздо сложнее. Открыто стала проследиваться та самая крайне неравноправная тенденция взаимоотношений германской власти с коллаборационистами.

Часть современников событий оккупации справедливо ставят в вину служащим управы их прямое пособничество гитлеровцам при проведении ими преступной бесчеловечной политики на оккупированной территории. Так, в период с 1 по 5 ноября 1941 года за подписью коменданта и бургомистра вышли печальные своей преступностью антиеврейские указания. Евреи обозначались в документе грубо – «жиды», им запрещалось перемещаться за пределы города, общаться с людьми и представителями германской власти, торговать. Все обращения и жалобы следовало подавать через старосту и только в управу, а никак не в комендатуру. Да и контакт с местными коллаборационистами проходил не всегда. Очевидцы гетто, как правило, не очень помнят конкретные действия бургомистра, коменданта, чаще в воспоминаниях фигурировали неизвестные представители силовых ведомств – условные немецкие жандармы и «наши» полицейские, активно занимавшиеся грабежом и унижением [Добычина: 18, 28, 101, 110].

По воспоминаниям очевидцев, строгость оккупантов затрагивала и проведение первых каратель-

ных мероприятий в городе в отношении и нееврейского населения. Уже через несколько дней после начала оккупации на площади Ленина на электрических столбах были повешены 4 мужчины с надписью на столбе «Участь всех партизан». Трупы их висели несколько дней для устрашения населения. Затем была зверски сожжена и повешена у Дома Красной армии молодая женщина, работница «Швейпрома» Клочкова, которую обвинили «в поджогах зданий» [Без срока: 65]. В отчете городской комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев также приводится более 30 фактов расстрелов и истязаний калужан фашистами. Полиция в этих процессах занимала пособническую роль.

Позорным и аморальным явлением примера несостоятельности функционирования городской управы стало ее содействие комендатуре в организации публичных домов для немецких солдат. Специалист И.С. Писаренко видит в этом действии ее антисоветскую, исключительно профашистскую направленность [Писаренко: 104].

На данный момент из-за ограниченности архивных источников сложно определить конкретную роль каждого представителя местной власти в осуществлении этих преступно-пособнических акций, но, думается, вряд ли лишены основательно властных полномочий по отношению к германской армии чиновники могли на что-то существенно повлиять. Однако несомненным остается тот факт, что в аппарате управления были и такие люди, кто использовал свое положение сугубо в личных интересах. В описаниях преступлений оккупантов и их пособников со стороны свидетелей отмечается, что полиция проводила обыски, избивала людей, задерживала подозреваемых, конвоировала задержанных, а некоторые чиновники, в том числе из управы, были замечены в активном содействии оккупантам²⁸.

Наиболее отчетливо и ярко зависимость органов местного самоуправления от немцев выражалась в решении вопросов экономической стороны. Примеров данного взаимодействия в источниках содержится большое количество. Приведем некоторые из них.

Когда земский бургомистр, систематизировав собранные данные за счет донесений деревенских старост, попытался пожаловаться бургомистру и германскому коменданту на грабежи немецких солдат в сельской местности, то оккупационные представители на это ему ответили, что в ближайшее время в район придет офицер экономического штаба, который якобы поможет стабилизировать ситуацию, однако, как покажет практика, дисциплинарные меры к немецким солдатам так и не будут приняты [Калуга: 148].

Ввиду нехватки ресурсов, вызванной постоянными грабежами германскими солдатами и мародерами из местного населения, отделы управы не могли по-

казать свою полную эффективность. Видя эту неспособность городской власти наладить производство и обеспечить решение экономических задач, с ноября 1941 года над экономическими отделами горуправы формируется контролирующий институт германской власти – хозяйственный отдел комендатуры под руководством д-ра фон Шреттера, в задачи которого входило проведение мероприятий по системному обеспечению германской армии всеми необходимыми продовольственными и материальными ресурсами, а по сути – методичному разграблению территории. Над каждым крупным городским (или несколькими) предприятием назначался германский инспектор, решение которого являлось обязательным для руководства завода: комиссионным управляющим калужского паротурбинного завода им. Э. Тельмана стал офицер Виттинг, КЭМЗ, спичечной фабрики «Гигант» и фабрики «Мехштамп» – Каппелер, пищевой артели инвалидов, фабрики лесхимпром – Хирш и др. [Писаренко: 101]. Согласно указаниям германской комендатуры, любые масштабные экономические действия районной или городской управы должны были быть согласованы именно с этими учреждениями. Обособление имущества директорми предприятий без решения экономических комендатур строго запрещалось. Данное обстоятельство, порой учитывая несовпадение видения обстановки управой и комендатурой, приводило к дальнейшим скрытым конфликтам и недопониманию. С одной стороны, в первые недели оккупации имущество города постоянно подвергалось расхищению, как тихо – со стороны мародеров-граждан, так и открыто – со стороны германских солдат. Вследствие этого комендатура и экономический отдел приказывали применять к правонарушителям строжайшие меры. С другой стороны, указания комендатур зачастую входили в противоречие с изданными ей самой указаниями – беречь имущество и не позволять его терять. В докладной записке городскому голове от начальника отдела промышленности управы Калуги указывалось: «Несмотря на то, что у отдела нет средств для нормального функционирования, при отсутствии телефонной связи, транспорта, он все же работает, серьезная работа проведена. Предотвращается расхищение имущества, назначены уполномоченные, составлено планирование, организовано производство: свечное, мыловарение, мукомольное. Но все же имеются существенные трудности: немецкими солдатами уже в течение трех недель изымается гужевой транспорт, повреждается имущество, рабочие не допускаются к работам по восстановлению ограждений, установке и ремонту дверей. Когда приехала хозяйственная часть германского командования (не ранее первой декады ноября), дело поначалу улучшилось. Однако, давайте признаемся, и даже сейчас существует неко-

торая несогласованность. Хозяйственная часть порой напрямую игнорирует распоряжения горуправы. Так, например, директор Лесозавода Безгубов был отстранен от должности руководителя предприятия германским офицером только за то, что немецкие солдаты самовольно изъяли с территории завода дрова для своей полевой кухни; этот же офицер не разрешил реализовывать продукцию завода – табуретки, лопаты, столы, фанеру, так как имущество было срочно необходимо германской армии»²⁹. Хозяйственный комендант вмешивался и в дела производственно-пищевого комбината, по его указанию были закрыты ремонтно-сапожная и швейные мастерские, а само ведомство переориентировано на производство хлеба исключительно для нужд германской армии. В итоге прибыль комбинат не получил, а бюджет города не досчитался значительных поступлений³⁰. Бессилие руководителей предприятий также видно и на примере хаотичного расхищения солдатами вермахта имущества завода «Спичка». Беспомощный в полномочиях директор в обращении жаловался в административно-инспекторский отдел управы, что «если уж немцы берут, что хотят, то пусть хотя бы действуют формально через управу»³¹. В другом обращении горуправы немецкому коменданту хозотдела Кандлеру от 13 декабря 1941 года с просьбой посодействовать городской больнице провизией и дровами, получила от немцев циничный ответ: «Вы должны иметь в виду, что германские интересы, германское снабжение – задача первостепенная»³².

Неудивительным является тот факт, что в докладе коменданту от 10 декабря 1941 года горуправа прямо докладывала, что вопрос питания в городе до сих пор остался нерешенным. «С 10 октября и по сей день население 51-тысячного города получило только 10 кг горелой пшеницы на взрослого человека и по 3 кг на ребенка, 1 кг соленых огурцов и помидоров на семью. Большинство общественных столовых нормально не функционируют. Попытки организовать магазины, общественные столовые полностью провалились. Вследствие чего большая часть города волочит полуголодное существование»³³. При таких условиях столовые при предприятиях также не могли обеспечить питанием рабочий класс в полной мере, ограничиваясь лишь предоставлением завтрака³⁴. В некоторых эпизодах такую функцию для обеспечения пищей несовершеннолетних работников иногда брала на себя столовая управы³⁵. Однако с декабря 1941 года уже и для самой управы вводится строгий порядок выдачи обедов по платному абонементу. Заказ варьировался от статуса работника: начальство платило 67 рублей, обычные служащие – 45 рублей в месяц³⁶.

Когда при неоднократных переговорах горуправы с хозяйственными отделами комендатуры во-

прос пропитания в городе так и остался нерешенным, городские власти попытались взять инициативу в собственные руки и предложили ряд срочных мер по стабилизации экономической жизни в городе. Чиновниками предлагалось следующее: разрешить торговлю с деревней, повысить налоги на крестьян: денежный и натуральный, разрешить жителям покидать город для обмена с деревней. Н. Щербачев срочно просил комендатуру санкционировать эти действия³⁷. Однако, как покажут дальнейшие события, многое из предложенного останется лишь на бумаге и не будет в должной степени выполнено, а грабеж оккупантов при приближении Красной армии только усилился. Не поддержали управу оккупанты и в вопросе снабжения продуктами столовой для ее служащих, ввиду чего бургомистр города в декабре издал распоряжение об образовании при столовой огородно-парникового хозяйства³⁸.

Таким образом, можно согласиться с мнением калужского историка И.С. Писаренко в том, что промышленный вариант калужского коллаборационизма в итоге не оправдал ожиданий гитлеровцев. Видя неспособность управы организовать экономическую жизнь города и округа в интересах Германии, оккупанты к декабрю 1941 года приступили к отстранению своих помощников от властных полномочий, а с приближением сил Красной армии к городу гитлеровцы и вовсе приступили к минированию городских предприятий, не думая о населении города и своих помощниках. В третьей декаде декабря 1941 года, во время ожесточенных боев 50-й советской армии за город, специальная саперная команда под руководством начальника, инженера Зигфрида, офицера Нозре 28 декабря 1941 года взорвала ТЭЦ, парокотельный, деревообделочный, заготовительный и др. цехи машиностроительного завода; произвела минирование железнодорожного депо и ряда других крупных предприятий Калуги [Писаренко: 101]. Некоторые из них впоследствии все же будут взорваны.

Учитывая отрицательные настроения общества и аппарата местной власти, германские власти насадили в городе многочисленную сеть тайных агентов и доносчиков. По данным недавно рассекреченных архивных источников, в Калуге отмечалась интенсивная дислокация широкой сети различных спецслужб и ведомств. Функционировал как особый полицейский сыскной отдел из местных коллаборационистов, так и германские ведомства – полевая жандармерия, выявлявшая факты саботажа, особый разведывательный отдел (ОАК-4), отдел пропаганды и агитации офицера Мёллера, насаждавший свою агентуру среди гражданских лиц и служащих управ, филиал гестапо. Согласно материалам архивных документов, местная германская комендатура имела своих людей из числа русского населения во многих инстанциях

управы: в полицейском отделе, гражданских отделах и подотделах, иных учреждениях³⁹. Вот так об этом вспоминает переживший оккупацию врач Н. Устрялов: «Доктор Васильева рассказала, что вчера ее водили в немецкую комендатуру. Пришли два немецких полицейских на Бушмановку (прим. поселок). Но она уже уехала. Явились на дом часов в 5 и приказали немедленно идти с ними; один шел впереди, другой сзади. Привели в бывший Кологривовский дом за Каменным мостом к одному из “начальников”. Добивались у нее признания, что она коммунистка. Оказывается, поступило заявление от 6 или 7 бывших бушмановских⁴⁰ сотрудников с доносом, будто она коммунистка (что на самом деле нет) и с жалобами на грубое отношение ее со служащими. Естественно, она отрицала свою принадлежность к партии и рассказала о тяжелых буднях больницы, когда ее грабили при активном участии самих служащих. Потом благополучно отпустили через 1 час». Персоналии некоторых конкретных прислужников при отделах управы, работавших на полицию, указаны в документах ГАКО⁴¹.

К концу ноября 1941 года контролирующие органы были организованы и над земской управой в лице присутствия представителя сельскохозяйственного коменданта. Им стал 57-летний офицер с фамилией Штальдшмидт [Калуга: 149]. 20–21 ноября состоялось совещание, на котором представители экономического штаба германской армии объяснили сотрудникам земского ведомства – агрономам и старшинам – предназначение их деятельности. Однако, как заметили собравшиеся на совещании, ответы на задаваемые со стороны агрономов вопросы были крайне уклончивыми, и совещание напоминало не организационный сбор, а агитационное мероприятие [Калуга: 153].

С конца ноября процесс оттягивания полномочий гражданских органов со стороны комендатур усилился. За подписью коменданта было выпущено обращение к обществу, по которому конкретно определялся порядок привлечения к ответственности лиц, уклоняющихся от трудовой мобилизации. В ноябрьском объявлении к населению, только уже без самого участия управы, было заявлено: «Граждане Калуги ленивы и плохо работают...» Для уклонистов комендатура вводила следующие наказания: для начала штрафные – по 30 рублей, которые пойдут в казну управы; в дальнейшем – телесные наказания и лишение пайка; суровые – выдворение из города без права возвращения⁴². Но людей эти меры не останавливали. Несмотря на первоначально искренние попытки управы наладить экономику города, провести социальные действия, на заключительном этапе оккупационного периода многочисленные свидетельства рисуют нам уже другую картину: среди обычных рабочих никакого энтузиазма практически не было, люди приходили,

кое-как отрабатывали смену, получали паек и уходили⁴³. Впоследствии такие настроения постигли и начальствующий состав ведомств и отделов.

К концу оккупации верхушка общества, осознав истинный характер гитлеровской политики, а некоторые также ошибочность своего выбора, начала обдумывать варианты дальнейшего поведения. Многих постигло настоящее разочарование, и именно по этим причинам накануне освобождения города Красной армией произошла очень интересная метаморфоза. Значительное количество служащих управ просто не вышло на работу, вследствие чего 22 декабря 1941 года отделы управы не могли нормально функционировать, за что всем отсутствующим в тот день лицам со стороны бургомистра было объявлено дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора. При внимательном изучении персоналий правонарушителей, привлеченных к дисциплинарной ответственности, можно заметить, что «прогульщиками» оказались не только рядовые работники отделов управы, но даже начальники этих самых отделов. Не явились на работу руководители отделов здравоохранения, промышленности, дорожного хозяйства, а также русские служащие при самой комендатуре. Всего по приказу бургомистра Н. Щербачева в тот день были вынесены взыскания более пятидесяти сотрудникам, что с учетом небольшого штата управы довольно значительная цифра⁴⁴. К 26–27 декабря таких прогулявших работу русских при комендатуре уже насчитывалось 9 человек: переводчики, секретари, машинисты⁴⁵.

По воспоминаниям бургомистра земства В. Агафонова, примерно с 20 декабря начала затухать работа и земской управы ввиду приближения линии фронта к Калуге и отсутствия у ее работников мотивации вследствие постоянной нехватки экономических ресурсов и беспредела, творимого германскими солдатами [Калуга: 154]. Позднее часть из тех лиц, кто до конца остался верен оккупантам, а также те, кто боялся последующего преследования, накануне освобождения территории города частями Красной армией решили уйти с немцами, считая для себя оккупантов куда меньшим злом, нежели приближающаяся советская власть.

Последствия оккупации для относительно небольшого города Калуги были ощутимые. В общей сложности оказалось уничтожено 496 домов. Остались без жилья 351 семья общей численностью в 2 435 человек. При отступлении фашисты полностью выжгли и взорвали улицы Михайловского, Свердлова, Салтыкова-Щедрина, Подвойского, Кооперативный поселок (где находилось еврейское гетто). В городе не осталось ни одного неповрежденного дома; театр на Сенной площади был сожжен, разоренными оказались многие общеобразовательные школы и городской музей [Алексеева].

По данным акта чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, из 51 тысячи оставшихся в городе гражданских лиц⁴⁶ нацистами и их пособниками было казнено около 1 000 человек [Бучарский]. В составленном комиссией списке погибших значатся не только лица, напрямую заподозренные оккупантами в осуществлении подпольной деятельности или же евреи, преследуемые нацистами в ходе проведения политики холокоста, но и обычные жители: дети, женщины, старики.

Что же касается судеб оставшихся пособников оккупантов, то чекисты искали потенциальных изменников. У спецотряда имелся предварительный список из 200 человек, которые работали в полиции, органах новой власти или как-то иначе содействовали немцам. За первую половину 1942 года горотделом НКВД в Калуге было проведено следствие по 469 уголовным делам, в ходе которого лишь 64 человека были отпущены [Алексеева].

Таким образом, наше исследование показало, что характер взаимоотношений гражданской власти и аппарата военно-оккупационного командования германской армии по причине политических, идеологических и экономических основ ее захватнической политики не мог носить настоящую партнерскую специфику. Создавая органы местного самоуправления, гитлеровцы с самого начала видели в них придаток своей оккупационной системы, указав на приоритет метода принуждения над автономностью. Строжайшим образом разграничили власть, лишь в пропагандистских целях предоставляя некоторую свободу коллаборационистам, наделяя представителей управ условным суверенитетом, необходимым только для удобства в организации образования органов и осуществления ими скорейшего содействия в решении оккупационных задач. В таком случае никакое иное положение никоим образом не могло бы изменить установленный порядок, что впоследствии, при ухудшении положения для самих оккупантов, лишь подтвердило их истинные намерения.

Примечания

¹ ГАКО – Государственный архив Калужской области.

² Н. Щербачев – потомственный дворянин, чиновник финансового отдела губернской земской управы. В советские времена – бухгалтер некоторых советских организаций. До июля 1938 года был преподавателем основ бухгалтерского учёта при рабфаке завода НКПС. После расформирования рабфака – пенсионер.

³ С. Кудрявцев-Дворянин. До 1918 года был начальником городской пожарной команды. В 1917-м отказался возглавить городскую милицию при Временном правительстве. С 1919 года – член губер-

ского комитета по государственному страхованию. В 1930-е стал известным садоводом-мичуринцем.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 7. Л. 58.

⁵ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

⁷ ГАКО. Ф. Р-972. Оп. 1. Д. 6. Л. 77, 85, 161.

⁸ С. Купфер – сын директора акционерного общества шелковой промышленности. С 1918 по 1922 год служил в РККА. В период советской власти являлся служащим соцучреждения. Подвергался уголовному преследованию в 1927 году и в конце 1930-х гг. Перед оккупацией проживал на выселении в г. Малоярославец и г. Калуга.

С. Леульт – до Великой Отечественной войны отбывал наказание за контрреволюционную деятельность, затем работал артистом Калужского городского драматического театра, во время немецко-фашистской оккупации г. Калуги – начальник секретно-политического отдела городской вспомогательной полиции.

⁹ Управление Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД)

¹⁰ ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков); ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 3. Л. 13.

¹² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 1. Л. 29.

¹³ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 31 об.

²¹ Около 70 % экспонатов калужского краеведческого музея было разграблено оккупантами в городе (взято у И.С. Писаренко. С. 101).

²² ГАКО. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

²³ Даже на антикварных рынка стоимость картин была гораздо выше.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 19.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–11.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 10–11.

³¹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 54.

³² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

³³ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.

³⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 29.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

³⁸ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–4.

⁴⁰ Бушмановка – ранее пригородный поселок, в настоящее время микрорайон г. Калуги.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–4.

⁴² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 3. Л. 9.

⁴³ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–21 об.

⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.

⁴⁶ Согласно переписи населения за 1939 год, в городе проживало 89 400 человек. До прихода в город немцев значительная часть жителей (47 632 чел.) покинула город.

Список литературы

Алексеева Я. «Я плакал от голода...» Откровения об оккупации Калуги в 1941 году и фото. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/sobytiya/okkupatsiya-kalugi-v-1941-godu> (дата обращения: 05.07.2023).

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: сб. архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева. Москва, 2020. 552 с.

Бучарский В. «Турынинская свирель печали». URL: <http://bucharisky.ru/books/11/108> (дата обращения: 28.07.2023).

Война глазами детей: сб. документов / Управление по делам архивов Калужской области, Государственный архив Калужской области; сост. Н.В. Зиновкина [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Калуга: СерНа, 2020. 207 с.

Горбачев О.В., Кометчиков И.В., Филимонов В.Я. История крестьянства Западного региона России: 1941 – середина 1980-х годов. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2017. 632 с.

Добычина М.А. Еврейское гетто в Калуге. Ноябрь – декабрь 1941. Калуга: Гриф, 2012. 165 с.

Занько Е.А. Калужский коллаборационизм: причины, проявления, масштаб. Трагические страницы европейской истории: движение Сопротивления и коллаборационизм с нацистской Германией в годы Второй мировой войны: доклады 3-й Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны (Россия, Москва, 21–22 сентября 2021 г.). Москва, 2021. С. 209–214.

Калуга. Сорок первый год... / авт.-сост. Н.В. Гущина. Калуга: Некоммерческое партнерство «Калужский областной исследовательский и культурно-просветительский центр “Гараль”», 2012. 656 с.

Кометчиков И.В., Молодова И.Ю., Писаренко И.С., Романова Т.В., Филимонов В.Я., Чеченков К.В. и др. Суровые сороковые... Калужский край в годы Вели-

кой Отечественной войны 1941–1945 гг. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. 272 с.

Михеенков С.Е. Остановить Гудериана. 50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу. 1941–1942. Москва: Центрполиграф, 2013. 349 с.

Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 195–197.

Писаренко И.С. Музеи Калуги в период немецко-фашистской оккупации // Сборник научных трудов КГПУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, 1996. С. 39–40.

Писаренко И.С. Неизвестная оборона и незабываемое освобождение: Калуга в Московской битве // Жизнь, общество, человек: проблемы взаимодействия (памяти О.В. Бессонова). Калуга: Эйдос, 2009. С. 28–45.

Писаренко И.С. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь – декабрь 1941 г.) // Песоченский историко-археологический сборник. 2004. Вып. 5. С. 92–106.

Продунов В.Е. Семьдесят восемь дней «нового порядка» // Калужская неделя. 2011. № 44. С. 29.

Продунов В.Е. Семьдесят восемь дней «нового порядка» // Калужская неделя. 2011. № 45. С. 16.

Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны. Дневник врача 1941–1944 гг. Калуга: Золотая аллея, 2010. 152 с.

References

Alekseeva Ya. «Ya plakal ot goloda...» Otkroveniia ob okkupacii Kalugi v 1941 godu i foto [“I cried from hunger...” Revelations about the occupation of Kaluga in 1941 and photos]. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/sobytiya/okkupatsiya-kalugi-v-1941-godu> (access date: 05.03.2023). (In Russ.)

Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ix posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against civilians in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War]. Kaluzhskaya oblast` : sbornik arxivnyh dokumentov [Kaluga region: collection of archival documents]. Moscow, 2020, 552 p. (In Russ.)

Bucharsky V. Tury`ninskaya svirel` pechali [Turynin pipe of sorrow]. URL: <http://bucharsky.ru/books/11/108> (access date: 28.03.2023). (In Russ.)

Vojna glazami detej: sbornik dokumentov [War through the eyes of children: a collection of documents], compiled by N.V. Zinovkina et al. 2nd edition, corrected and supplemented. Kaluga, SerNa Publ., 2020, 207 p. (In Russ.)

Gorbachev O.V., Kometchikov I.V., Filimonov V.Ya. Istoriya krest`yanstva Zapadnogo regiona Rossii: 1941 – seredina 1980-x godov [History of the Peasantry of the Western region of Russia: 1941 – middle 1980s]. Kaluga, Kaluga State Institute of Education Development Publ., 2017, 632 p. (In Russ.)

Doby` china M.A. Evrejskoe getto v Kaluge. Noyabr` – dekabr` 1941 [The Jewish ghetto in Kaluga. November` – December` 1941]. Kaluga, Grif Publ., 2012, 165 p. (In Russ.)

Zanko E.A. Kaluzhskij kollaboracionizm: prichiny, proyavleniya, masshtab [Kaluga collaboration: causes, manifestations, scale]. Tragicheskie stranicy evropejskoj istorii: dvizhenie Soprotivleniya i kollaboracionizm s nacistskoj Germaniej v gody` Vtoroj mirovoj vojny`: doklady` 3-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyash. 80-j godovshhine nachala Velikoj Otechestvennoj vojny` [Tragic pages of European history: the Resistance movement and collaboration with Nazi Germany during the Second World War: reports of the 3rd International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the start of the Great Patriotic War]. Moscow, 2021, pp. 209-214. (In Russ.)

Kaluga. Sorok pervy`j god... [Kaluga. Forty-first year...]. Kaluga, Nekommercheskoe partnerstvo “Kaluzhskij oblastnoj issledovatel`skij i kul`turno-prosvetitel`skij centr «Garal`»” Publ., 2012, 656 p. (In Russ.)

Kometchikov I.V., Molodova I.Yu., Pisarenko I.S., Romanova T.V., Filimonov V.Ya., Chechenkov K.V. & al. Surovye sorokovye... Kaluzhskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Severe the fortieth... Kaluzhsky Krai during the Great Patriotic War 1941–1945]. Kaluga, Kaluzhskij gosudarstvennyj institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2015, 272 p. (In Russ.)

Mixeenkov S.E. Ostanovit` Guderiana. 50-ya armiya v srazheniyax za Tulu i Kalugu. 1941–1942 [Stop Guderian. The 50th Army in the battles for Tula and Kaluga. 1941–1942]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013, 349 p. (In Russ.)

Molodova I.Yu. Organizaciya zdravooxraneniya v usloviyax nacistskoj okkupacii (po materialam regional`ny`x arxivov Kaluzhskoj, Bryanskoj i Smolenskoj oblastej) [Healthcare organization under Nazi occupation (based on materials from the regional archives of Kaluga, Bryansk and Smolensk regions)]. Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2014, No. 21, pp. 195-197. (In Russ.)

Pisarenko I.S. Muzei Kalugi v period nemecko-fashistskoj okkupacii [Museums of Kaluga during the Nazi occupation]. Sbornik nauchnyh trudov KGPU im. K.E. Ciolkovskogo [Collection of scientific works of K.E. Tsiolkovsky KSPU]. Kaluga, 1996, pp. 39-40. (In Russ.)

Pisarenko I.S. Neizvestnaya oborona i nezaby`vaemoe osvobozhdenie: Kaluga v Moskovskoj bitve [Unknown de-

fense and unforgettable liberation: Kaluga in the Moscow Battle]. *Zhizn', obshchestvo, chelovek: problemy vzaimodejstviya (pamjati O.V. Bessonova)* [Life, society, man: problems of interaction (in memory of O.V. Bessonov)]. Kaluga, Eidos Publ., 2009, pp. 28-45. (In Russ.)

Pisarenko I.S. *Fashistskaya okkupaciya g. Kalugi i okkupacionnyj rezhim (oktyabr - dekabr` 1941 g.)* [The Fascist occupation of Kaluga and the occupation regime (October-December 1941)]. *Pesochenskij istoriko-arheologicheskij sbornik* [Pesochinsky historical and archaeological collection], 2004, iss. 5, pp. 92-106. (In Russ.)

Produvnov V.E. *Sem`desyat vosem`dnej «novogo poryadka»* [Seventy-eight days of the “new order”]. *Kaluzhskaya nedelya* [Kaluga week], 2011, No. 44, p. 29. (In Russ.)

Produvnov V.E. *Sem`desyat vosem`dnej «novogo poryadka»* [Seventy-eight days of the “new order”]. *Kaluzhskaya nedelya* [Kaluga week], 2011, No. 45, p. 16. (In Russ.)

Ustryalov M.V. *Povsednevnyaya zhizn` kaluzhan v gody` vojny`. Dnevnik vracha 1941–1944 gg.* [Daily life of Kaluzhans during the war. Doctor's diary 1941–1944]. Kaluga, Zolotaya alleya Publ., 2010, 152 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.